

СПЕКТАКЛЬ БОДРОСТИ

«ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ» В СТУДИИ СИМОНОВА

иронической разработке образа Домны Пантелеевны Драматизма не было.

Было ощущение того, что сейчас Оа-ша Негина может работать и любить какого угодно Петю, и никто ей не смеет попенять. Отстранены поклонники. Дулебовы, Бакины, Великатовы, купцы, помещики, дворяне сброшены, как говорится, в Черное море.

Оттого это очень бодрый спектакль, радостный, полный освежающего обаяния.

А студии всего пять лет отроду, соответственно даже два, три года — просто incredible успеха. Но уже видны начинающие дарования — Тарасова, Благовидова, Булатова, Прокофьев, Пажитнов, и другие. Начинающие, конечно: слабо, например, наполнение образа Наркомана или Громилова. Зато чувствуется художественное единство студии, дух творческой мысли. Этого не всегда заметишь в посредничестве коллективах, организованных в порядке административном. На днях мы видели спектакль такого театра. От него шел канустный запах ремесленничества.

Исполнение было по принципам «кончил дело — уходи». Творчества мы не приметили. Может быть органическое рождение театра из театра есть настоящий путь, который следует поощрять. Быднить из основных театров выдающихся актеров, молодых режиссеров, которые несли бы в студию творческую мысль и художественный опыт.

Арт. Тарасова
в роли Негинной.

От мощного мхатовского дуба отделились и превратились в замечательные театральные организмы, такие коллективы, как МХТ 2 и театр Вахтангова. Затем выросли уже новые пьесы уже от нахлывающего стола: театр Завадского, сейчас Симонина. Симонинская пьеса обещает богатое цветение. Если только студия не будет беспрерывно до бесилия бродить по Москве и вокруг Москвы, не имея собственной площадки, где бы она серьезно занялась собой.

Это очень серьезно. Это вопрос жизни. Пусть в этом убедится всякий на праздничном спектакле «Таланты и поклонники». Специально напоминаем адрес: театр Сатиры, что на Триумфальной.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

Оаша Негина верит в свой сценический талант. Саша же любит студента Петю. Студент Петя беден, но благороден. Поклонник Дулебов готов поддерживать талант, но требует от него далеко не платонической компенсации. Поклонник Бакин согласен на тех же условиях. Поклонник Великатов ведет к тому же, но более замысловатым путем. Помогает им готовый всегда служить антрепренер Мигасин. Поощряет их сашина подруга Смелская, скучая на талант, но щедрая на «компенсации». Заступается за них даже расторопная сашина родственница. От них от всех отмахивается Саша. Ей сочувствует, хватаясь за голову, старый бутайфор Нароков. Ее зацпицают, грозно прядца зрачками, трагик Громилов. Засим выходит старей-старый вокальный сторож и сонным унылым голосом поет, что до отхода псевда осталось 20 минут. Увы, уезжает Саша... с Великатовым. Нет, нет, она любит милого Петю. Она его не забудет, нет. Но есть ведь искусство... искусно, да. Саша не хочет быть героиней. Не может выйти за Петю. Не в силах покинуть театр. Для талага нужна поддержка. Прощай, Петя. Увы! Быст третий знонок. Поклонники смеются над Петей. Он им отвечает дерзко, но сдержанно; благородно, но смело.

Вот и весь сказ о событиях в пьесе Островского. Мы передали их несколько иронически, но это только приближенный перевод с языка спектакля в студии вахтанговца Симонина. С языка, в котором иронические и лирические интонации воскрешают мелодичный голос «Принцессы Турадот».

Конечно, можно было держать спектакль на высокой драматической ноте. Всех этих князей, купцов, помещиков преприятить в стадо гусиных, подлых, разяреинных харь и энергичной свалки вокруг молоденькой Саши. Были такие трактовки Островского. На симонинском спектакле зритель не спешит вместе с Петей грозно махать кулаком и бросать язвительные реплики.

Это не значит, что ему не противны эти жалкие уродины. Это не значит, что Симонин пожалел сатирических красок для этих людишек. Симонин порою «незаметно», так сказать, для Островского переставляет и убавляет текст к выгоде студента, к невыгоде остальных. Симонин создаст целую цепь жестов и ситуаций, звучащих, как алые колкости, иронические намеки, насмешливо разоблачающие героев перед публикой.

Островский пытается иногда выгородить Бакина, но выдает себя, дав ему это название. Ну да, бакин. У Симонина этот герой потрясюще ушат, брадн-майорски рыжеус. Он весь тут, в этих быках. У Островского Дулебов — важный барин. У Симонина его аристократическая чопорность выглядит надутой глупостью. Следовало бы театру больше расшнфовать Великатова. Великатов чуть ли не на пальчики купил Сашу. Но у Островского, видите ли, он «широкая натура», он, понимаете ли, «одипок», он еще «горд». Эти оправдывающие мотивы следовало бы высмеять. Театр направлялся к этой цели. Прощание с Петей — жест купца-победителя. Все время подозрительная, как будто фальшивая, великатовская улыбка.

Но «разводить» негодование и «страсти» как-то не нужно было. Как-то не хотелось стрелять из пушек по этим жалким воробьям. Зритель чуть-чуть пожимает плечами. Кму смешно: «Вот это были люди? это с человеки?» Приговор.

Можно было, конечно, драматизовать отъезд Саши, оставление Петя, прощание влюбленных, третий звонок мог прозвучать трагически, в зале замелькали бы платочки. Они мелькали пятьдесят лет тому назад, когда на сцене Малого театра горели Ермолова и Садовская, Ленский и Рыбаков. Это был протест против «жесткой прозы жизни». На симонинском спектакле зритель не вытирает глаз. Незачем было обвинять его на этой теме. Незачем было возвращать «в исходное положение». Было участие, теплое чувство к Сапе. Не больше.

Симонин не заострял этих линий, он умышленно обходился их, обыгрывая отдельные куски, на который разбит весь спектакль, куски, самостоятельно организованные декоративно (Матрунин), музыкально (Милютин), постановочно (Лобанов), останавливался на сложной